

Атмосфера станции: Ольга Николаевна Высотская - литературовед, актриса, возлюбленная Н.Гумилева, на момент станции ей около 80 лет, у них был сын - Орест, была постоянной посетительницей "Бродячей собаки".

«Одежда безупречных форм» (Н.Гумилев об акмеизме)

Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,
Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:
«Я пробрался вглубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шёл мой караван;
Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,
И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.
Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.
Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.
Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,
И в стране озёр пять больших племён
Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;
Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребённый здесь в четырёх стенах;
Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...»
И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

13 января 1912 года я была в "Бродячей собаке" по случаю 25-летия литературной деятельности Бальмонта, тогда я впервые и познакомилась с Н.С. Гумилевым, он уже был в браке с А.А.Ахматовой, но с ним у нас сразу возникла искра. Помню, как закинула на люстру перчатку, после этого он подошел ко мне. Наш непродолжительный роман имел свои последствия, 26 октября 1913 года родился наш сын - Орест. Но о нем Николай так и не узнал, сразу после, в 1914 году, я и Орест уехали в Пятигорск, а затем в Курскую губернию. Хоть и мало времени было проведено мной рядом с Николаем Гумилевым, но я прекрасно помню его.

Николай Гумилев вошел в историю русской литературы как основатель акмеизма, поэт, переводчик и художественный критик. Он участвовал в Первой мировой войне, получил несколько орденов, много путешествовал. Кроме стихов, в его творческое наследие вошли и этнографические заметки о жизни народов Африки.

В Тифлисе семья прожила три года, затем вернулась в Царское Село, где Гумилев поступил

в седьмой класс Царскосельской Николаевской гимназии. Как и раньше, учился он плохо, регулярно попадал в списки неуспевающих. Дело дошло до исключения, не дал отчислить юношу директор гимназии — поэт Иннокентий Анненский. На педагогическом совете он заступился за Гумилева и заметил, что неуспеваемость юного поэта компенсируется отличными стихами.

В 1903 году Гумилев познакомился со своей будущей женой — Анной Горенко, которая позднее прославилась под фамилией Ахматова. Она училась тогда в Мариинской женской гимназии и писала стихи. Гумилев сразу влюбился, но Ахматова долго не отвечала ему взаимностью.

Окончив гимназию в 1906 году, Гумилев отправился продолжать учебу в Париж. По совету Брюсова он хотел познакомиться с жившими там символистами — Дмитрием Мережковским, Зинаидой Гиппиуси Андреем Белым.

В 1908 году Гумилев побывал в Египте. Об этой поездке он мечтал давно, но его отец был против: Степан Гумилев хотел, чтобы сын уделял больше внимания учебе. Николай Гумилев придумал, как не огорчать отца. Он решил скрыть любую информацию о путешествии — заранее написал несколько поддельных писем, которые его друзья присылали семье поэта от его имени. Деньги на путешествие Гумилев скопил сам. Из Египта он написал Валерию Брюсову: *«Дорогой Валерий Яковлевич, я не мог не вспомнить Вас, находясь «близ медлительного Нила, там, где озеро Мериды, в царстве пламенного Ра». Но увы! Мне не удастся поехать в глубь страны, как я мечтал. Посмотрю сфинкса, полежу на камнях Мемфиса, а потом поеду не знаю куда».*

Почти весь 1913 год Гумилев путешествовал. Как посланник Академии наук он отправился в Африку — собирать информацию о местных жителях. Маршрут поэта пролегал через Турцию, Египет и Джибути. В пути он вел дневник, в котором описывал уклад жизни обитателей этих земель и местную природу.

1914 год изменил привычный богемный образ жизни Гумилева: распался «Цех поэтов», напряженными стали отношения с женой, а летом началась Первая мировая война. Россию охватил патриотический подъем, и, как многие другие, Николай Гумилев отправился на фронт добровольцем. «Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности.

В начале 1919 года Гумилев опубликовал перевод вавилонского эпоса «Гильгамеш». В это же время его пригласили преподавать мастерство перевода в недавно учрежденный Институт живого слова. В 1919 году Гумилев попытался воссоздать «Цех поэтов».

Николай Гумилев никогда не скрывал своего отрицательного отношения к новой власти. Он открыто заявлял, что не понимает и не уважает большевиков.

Раньше о политических убеждениях Гумилева никто не слыхал. В советском Петербурге он стал даже незнакомым, даже явно большевикам открыто заявлять: «Я монархист». Гумилева уговаривали быть осторожнее. Он смеялся: «Большевики презирают перебежчиков и уважают саботажников. Я предпочитаю, чтобы меня уважали.

3 августа 1921 года Николая Гумилева арестовали. Его обвинили в контрреволюционной деятельности, заговоре против советской власти и сотрудничестве с Петроградской боевой организацией.

Руководителем заговорщиков назвали сотрудника Академии наук Владимира Таганцева. По делу Петроградской боевой организации Владимира Таганцева арестовали свыше ста человек. Почти все были представителями творческой и научной интеллигенции.

Гумилев Николай Степанович, 33 лет, б. дворянин, филолог, поэт, член коллегии «Изд-во

Всемирная Литература», беспартийный, офицер. Участник Петроградской Боевой Организации, активно содействовал составлению прокламации контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности.

Друзья Гумилева — поэты Николай Оцуп и Михаил Лозинский — пытались заступиться за него, но не смогли повлиять на решение комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. 24 августа был вынесен смертный приговор. 26 августа 1921 года Николая Гумилева и 56 других обвиняемых по делу Петроградской боевой организации Владимира Таганцева расстреляли.

В СССР творчество Николая Гумилева практически не изучали, а произведения не публиковали. Поэта реабилитировали только в 1992 году — тогда его дело признали сфабрикованным. Позднее были обнародованы документы, которые подтверждали существование Петроградской боевой организации. Однако вопрос о причастности Гумилева к ее работе до сих пор остается открытым. Место захоронения поэта неизвестно.

Начало XX века в России – это время активной литературной жизни. Каждый год возникали новые направления, а на поэтическом небосклоне загорались яркие звёзды. Одним из главных течений серебряного века был акмеизм, благодаря которому появились стихи Анны Ахматовой, Николая Гумилёва, Осипа Мандельштама и других великих авторов. Акмеизм — полностью русское течение, поэты этого направления оказали большое влияние на всю поэзию 20 века. Направление, сложившееся в России в 1910-е годы. Это одно из ведущих направлений постсимволизма — так называют авангардные и модернистские течения русской литературы первой половины 20 века.

Акмеизм начался с поиска альтернатив эстетике и мировоззрению символистов. Первая аналитическая работа об акмеистах — статья Виктора Жирмунского 1916 года «Преодолевшие символизм». Но, в отличие от футуристов, акмеисты не провоцировали конфликт между направлениями, а предполагали преемственность.

Акмеизм — не интернациональное движение, как символизм, а исключительно русское. В то же время для акмеистов большое значение имела связь с западноевропейской культурой: многие поэты-акмеисты активно занимались художественным переводом.

История акмеизма началась с личной обиды. С 1905 по 1912 год поэт Вячеслав Иванов собирал кружок единомышленников в своей «Башне» – так друзья называли его квартиру в доходном доме Дернова в Санкт-Петербурге. На один из таких вечеров заглянул Николай Гумилёв, один из его любимых учеников. Там Гумилёв прочитал поэму «Блудный сын», которую его учитель неожиданно разгромил. К тому времени между ними уже накопились взаимные упрёки и обиды, поэтому Гумилёв вместе с друзьями просто покинул кружок Иванова и основал собственный «Цех поэтов». Кружок неслучайно стал называться именно «Цехом»: в понимании Гумилёва и Городецкого поэзия была скорее ремеслом, чем религиозным откровением. Во главу угла они поставили не пророческий дар, а труд по соединению земного и небесного. Организаторами и идеологами «Цеха» были Николай Гумилев и Сергей Городецкий — они же в 1912 году решили заявить о появлении акмеизма. Однако теоретические основания акмеизма более размыты, чем символистские. У каждого из акмеистов своя творческая система. Поэтому точный состав направления до сих пор является предметом споров.

Как только участники «Цеха поэтов» поняли, что с символистами им не по пути, они решили выбрать для своего направления название. Как вспоминает секретарь кружка Анна Ахматова, имя было найдено самым простым способом: участники собрания просто

достали с полки словарь и стали искать подходящее слово. Им оказалось греческое «акме», означавшее «вершину», «высшую степень» или «цветение».

Название направления — условное и неоднозначное. Вот как его объяснил Николай Гумилев в статье «Наследие символизма и акмеизм»: «На смену символизма идет новое направление, как бы оно ни называлось, акмеизм ли (от слова *акте* — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь), — во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме». Как мы видим, даже для лидера движения термин был не очень принципиален. Второе название акмеизма, «адамизм», употреблялось реже и постепенно почти забылось. У этого литературного направления существовало еще название — кларизм (от французского «Кларе» — ясность). Современники давали термину и иные толкования: Владимир Пяст видел его истоки в псевдониме Анны Ахматовой, по-латыни звучащем как *aktatus*, некоторые указывали на его связь с греческим *ἀκμή* — «острие».

Основатели содружества считали поэта не пророком, которому дан дар свыше, а ремесленником, старательно соединяющим «земное» с «небесным». Поэтому объединение и получило название «Цех». Эту идею Гумилев высказал в своем стихотворении «Фра Беато Анджелико» 1912 года:

Есть Бог, есть мир; они живут вовек
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Ведущий исследователь акмеизма Олег Лекманов описывает акмеизм как систему трех концентрических кругов.

● Самый широкий круг — все многочисленные участники «Цеха поэтов».

Акмеизм утвердился в теоретических работах и художественной практике Николая Гумилёва (статья «Наследие символизма и акмеизм» 1913), Сергея Городецкого («Некоторые течения в современной русской поэзии» 1913), Осипа Мандельштама (статья «Утро акмеизма», опубликована в 1919 году), Анны Ахматовой, Михаила Зенкевича, Георгия Иванова, Елизаветы Кузьминой-Караваевой.

●● Второй круг — шесть поэтов, которые были бесспорными лидерами направления:

Николай Гумилев
Анна Ахматова
Осип Мандельштам
Владимир Нарбут
Михаил Зенкевич
Сергей Городецкий

★ Третий, самый узкий круг — только Гумилев, Ахматова и Мандельштам: их объединяет не только принадлежность к реальной группе, но и особые свойства художественного языка. В центре системы стоит Гумилев — инициатор и организатор всего движения.

Акмеисты в своих манифестах призывали отказаться от символистской неопределенности. Конкретное вместо абстрактного, земное и чувственное вместо туманов и ностальгии, ясность вместо загадок. Но их поэтическая практика намного сложнее этих принципов. Поэтами земного и вещественного можно уверенно называть Нарбута, Зенкевича и отчасти Городецкого. Тексты Гумилева, а особенно Мандельштама и Ахматовой, объединяет «семантическая поэтика» — этот термин ввели ученые-структуралисты в 1974 году.

Ее свойства:

- историзм: темы времени и памяти, включенности в историю (символизм, наоборот, обращен к вечному);
- «тоска по мировой культуре»: человек всегда находится в поле культуры, поэт — проводник культурной памяти, поэтому в акмеистских текстах так много цитат и аллюзий;
- самоценность языка: у символистов слово — знак, который намекает на невыразимое, у акмеистов слово важно само по себе (и лексикон поэтов-акмеистов более разнообразный и неожиданный);
- «прозаизация» поэзии, использование в поэтическом языке конкретных деталей, сюжетов, характерных для реалистической прозы.

Основные принципы акмеизма:

- освобождение поэзии от символистских призывов к идеальному, возвращение ей ясности;
- отказ от мистической туманности, принятие земного мира в его многообразии, зримой конкретности, звучности, красочности;
- стремление придать слову определённое, точное значение;
- предметность и чёткость образов, отточенность деталей;
- обращение к человеку, к "подлинности" его чувств;
- поэтизация мира первоначальных эмоций, первобытно-биологического природного начала;
- переключки с минувшими литературными эпохами, широчайшие эстетические ассоциации, "тоска по мировой культуре"

*Мы из каменных глыб создаем города,
Любим ясные мысли и точные числа,
И душе неприятно и странно, когда
Тянет ветер унылую песню без смысла.*

*Или море шумит. Ни надежда, ни страсть,
Все, что дорого нам, в них не сыщет ответа
Если ты человек – отрицай эту власть,
Подчини этот хор вдохновенью поэта.*

*И пора бы понять, что поэт не Орфей,
На пустом побережьи вздыхавший о тени,
А во фраке, с хлыстом, укротитель зверей
На залитой искусственным светом арене.*

Георгий Иванов, один из младших участников Цеха, так запомнил процедуру:

«Официально Гумилев и Городецкий были равноправными хозяевами «Цеха» – синдиками. Они председательствовали поочередно и оба имели высокое преимущество сидеть в глубоких креслах во время заседания. Остальным – в том числе и Кузмину, и Блоку – полагались простые венские стулья.

Обычно Городецкий во всем поддерживал Гумилева, но изредка, вероятно для формы, вступал с ним в спор. Гумилев говорил: «Прекрасно». Городецкий возражал: «Позорно».

Разумеется, Гумилев неизменно торжествовал. Вообще он очень любил спорить, но почти никогда не оказывался побежденным. С собеседниками, столь робкими, как его тогдашние ученики, это было нетрудно. Но и с серьезным противником он почти всегда находил средство сказать последнее слово, даже если был явно неправ.

Отношения между синдиками и членами «Цеха» были вроде отношений молодых офицеров с командиром полка. «В строю», то есть во время заседания, дисциплина была строжайшая.

Естественно, что «мэтры» и считавшие себя таковыми вскоре пообжились по разным поводам и «Цех» посещать перестали. Осталась зеленая молодежь. Наиболее «верные» впоследствии образовали группу акмеистов».

Официальная дата рождения акмеизма — 19 декабря 1912 года. В «Бродячей собаке», петербургском литературно-артистическом кабаре, Сергей Городецкий прочитал доклад «Символизм и акмеизм».

В 1913 году трибуной акмеистов стал литературно-художественный журнал «Аполлон», соперник символистских «Весов». В нем были напечатаны две программные статьи — «Некоторые течения в современной русской поэзии» Сергея Городецкого и «Наследие символизма и акмеизм» Николая Гумилева».

Еще один акмеистский журнал — «Гиперборей», задуманный специально как издание «Цеха поэтов». Его редактором был поэт и переводчик Михаил Лозинский. (Гиперборей в древнегреческой мифологии — счастливый народ поэтов и художников, жрецов Аполлона.) Авторы «Гиперборей» — «широкий» состав акмеистов. Кроме главной шестерки, это Лозинский, Мария Моравская, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Василий Гиппиус, Владимир Шилейко. Рядом, но не вместе с акмеистами — Михаил Кузмин и Владислав Ходасевич.

*По пятницам в «Гиперборее»
Расцвет литературных роз.
И всех садов земных нестрее
По пятницам в «Гиперборее»
Как под жезлом волшебной феи,
Цветник прельстительный возрос.
По пятницам в «Гиперборее»
Расцвет литературных роз.*

В 1912 году на собрание «Цеха поэтов» впервые пришёл молодой поэт со смешными ушами — Осип Мандельштам. Годом ранее он познакомился с Анной Ахматовой и её мужем Николаем Гумилёвым. С 1912 по 1921 год Мандельштам стал одним из самых ярких последователей акмеизма и развивал характерный для этого течения подход к слову.

В 1921 году был арестован и расстрелян Николай Гумилёв — главный идеолог акмеизма, — а само поэтическое движение зашло в тупик, лишившись лидера. Но самые яркие акмеисты, среди которых был и Мандельштам, продолжили творческое развитие и стали главными поэтами эпохи.

У акмеизма нет прямых «двойников» и общих кумиров, но есть литературные ориентиры, близкие им по эстетике соперники символизма.

❶ Французские поэты-«парнасцы». Альманахи «Современный Парнас», выходившие с 1866 по 1876, объединили поэтов, противопоставивших себя романтикам.

Мэтром парнасской школы был Теофиль Готье.

Парнасская эстетика ориентирована на внимание к предметному, вещественному миру, ярким и конкретным образам, отказу от метафизики. Для нее также характерны отсылки к визуальным и пластическим искусствам, сравнения поэзии с живописью и скульптурой (а для символистов и романтиков высшее искусство — музыка).

Поэт в представлении парнасцев — не вдохновенный мечтатель, а мастер. Поэзия в их представлении также должна отказаться от идеологии и философствования и стремиться к бесстрастной объективности.

Гумилев перевел программный для парнасцев сборник стихов Теофиля Готье «Эмали и камеи». Стихотворение Готье «Искусство» очень близко к тому, как Гумилев описывает идею акмеизма в своих статьях. Поэт должен отказаться от субъективного лирического голоса и уверенно, как скульптор, отчеканить красоту в слове:

*«И сами боги тленны,
Но стих не кончит петь,
Надменный,
Властительней, чем медь.
Чеканить, гнуть, бороться, —
И зыбкий сон мечты
Вольется
В бессмертные черты».*

② У акмеизма есть общие черты и с неоромантизмом. Неоромантиками называют авторов рубежа 19 и 20 веков, которых привлекали образы мощи, власти, радости, сильные герои, сюжеты завоеваний и экстремальных путешествий. Редьярд Киплинг, Джозеф Конрад, Джек Лондон, Эдмон Ростан — это тоже литературная линия, альтернативная символистам, хотя и не оформившаяся в единую группу.

③ Еще одна очень важная фигура для создателей «Цеха поэтов» — Иннокентий Анненский. Поэт, исторически близкий к символистам, но ни на кого не похожий, Анненский едва ли не единственный из старшего поколения, кто вызывал трепетное уважение у акмеистов и особенно у Ахматовой.

В поэзии Анненского для акмеистов ценен точный и строгий стиль. Анненский как автор переводов, комментариев и статей, специалист по античной литературе был также образцом поэта-филолога в противовес поэтам-философам и мистикам, которые доминировали в символизме.

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света*

АХМАТОВА ОБ АННЕНСКОМ

*А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем,
предзнаменованьем,
Всех пожалел, во всех вдохнул
томленье -
И задохнулся...*

